

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА КИРИКОВА

старший научный сотрудник Отдела публикации и выставочной деятельности

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2527-5815; kirikova.o@bk.ru

О ПРОЕКТЕ МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗИИ 1731 ГОДА

А н н о т а ц и я . В январе 1726 года в Петербурге открылась Академическая гимназия, обязанная по замыслу Петра I готовить кадры для университета, чьи функции должна была исполнять Академия наук. Такая сложная структура стала следствием того, что в России не существовало сети равноуровневых школ. К началу правления Анны Иоанновны гимназия находилась не в лучшем состоянии: на ее работе негативно сказывались общие административные и финансовые проблемы Академии наук, в целесообразности существования которой начали сомневаться чуть ли не сразу после смерти Петра I, и, кроме того, в 1728 году гимназию покинули многие ученики, уехавшие вместе с родителями вслед за императорским двором в Москву. В этих условиях обсуждение в 1731 году проекта еще одной гимназии по образцу академической позволяет говорить о поддержке правительством Анны Иоанновны системы образования, заложенной Петром и развитой позднее Елизаветой Петровной. План по созданию в Москве в начале 1730-х годов гимназии неизвестен исследователям. Восстановить этот важный для истории отечественного образования сюжет стало возможно благодаря сохранившейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН переписке членов Академии наук и В. Н. Татищева – инициатора данного проекта. С помощью ретроспективного метода удалось определить мотивы, побудившие его выступить с подобным предложением, возможности, которые открывались перед юными москвичами в случае реализации задуманного, и причины того, почему проект остался нереализованным.

К л ю ч е в ы е с л о в а : образование, Академическая гимназия, Академия наук, Т. З. Байер, Л. Л. Блюментрост, М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кирикова О. А. О проекте Московской гимназии 1731 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1186

ВВЕДЕНИЕ

Летом 1754 года, представляя И. И. Шувалову свое мнение о будущем Московском университете, М. В. Ломоносов рекомендовал ему обязательно открыть и гимназию, сравнив ее с семинами, без которых оскудеет университетская «пашня»¹. Положение о гимназии в результате вошло в «Проект об учреждении Московского университета», высочайше утвержденный 12 января 1755 года, ее выпускники с 1759 года становились студентами². Между тем гимназия в Москве могла появиться без малого четвертью века раньше, в тот год, когда сам М. В. Ломоносов только начинал обучение в «Спасских школах» – Славяно-греко-латинской академии при Заиконоспасском монастыре в Москве.

Вопрос об учреждении в начале царствования Анны Иоанновны гимназии в Москве еще не исследован. Слабую изученность вопроса можно

объяснить тем, что образовательные реформы правительства Анны Иоанновны относятся ко второй половине правления, поэтому основное внимание специалистов сконцентрировано именно на этом периоде [4], [5], [6], а также тем, что не существует цельного комплекса источников по теме. Использованные в данной статье документы из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) отложились не только в личных фондах членов Академии наук, причастных к ее учебной деятельности (Ф. 121 – библиотекаря и главы Академической канцелярии И. Д. Шумахера; Ф. 784 – инспектора Академической гимназии в 1726–1738 годах профессора Т. З. Байера), но и в фондах академических Конференции (Ф. 1. Оп. 3 – Ученая корреспонденция) и Канцелярии (Ф. 3. Оп. 1 – Делопроизводственные материалы) и даже в архивной коллекции (Р. IV. Оп. 1 – Рукописи трудов

и другие документы, поступившие от разных лиц и учреждений). Пофондовая распыленность источников усложняет разработку темы, но оставляет возможность для продолжения исследований.

«НЕБОЛЬШАЯ» ГИМНАЗИЯ В МОСКВЕ

14 января 1731 года Ф. Р. Гмелин, секретарь президента Петербургской академии наук лейб-медика Л. Л. Блюментроста, передал И. Д. Шумахеру его просьбу: подобрать персонал для «небольшой гимназии, которую собираются открыть в Москве» («mann ist gesonnen hier ein kleines Gymnasium anzulegen»)³. Вероятно, похожее письмо тогда же было отправлено и Т. З. Байеру. По крайней мере, 18 января 1731 года он написал Л. Л. Блюментросту относительно задуманного, высказавшись при этом не только о преподавателях, но и о проекте учебного заведения. По мнению Т. З. Байера, его не следовало составлять заново, достаточно было скопировать тот, который использовался для гимназии в Петербурге, – «лучший, какой я только мог придумать», – пояснял инспектор⁴. Столь высокая оценка собственного труда была вполне оправдана, поскольку над регламентом Академической гимназии Т. З. Байер работал несколько лет, начиная с 1726 года, когда им был подготовлен «Проект об устройстве гимназии» («Project von Einrichtung des Gymnasii»). Несмотря на то что этот документ, датированный 10 ноября 1726 года, получил одобрение Л. Л. Блюментроста, Т. З. Байер постоянно вносил в него правки, которые ему подсказывала ежедневная практика, отчего, как он сам признался в письме к И. Д. Шумахеру в 1728 году, первоначальный текст основательно «разбух», но зато «им можно будет неизменно пользоваться в будущем»⁵. Поэтому этот проверенный временем проект Т. З. Байер предлагал теперь лишь подправить в случае необходимости⁶.

Существовала и другая причина, почему инспектор Академической гимназии хотел повторить ее в Москве, а именно: мешавшие учебе переезды «некоторых учеников», которые были бы не столь ощутимы, если бы в обоих городах работали гимназии с одинаковыми программами и способом преподавания⁷. Действительно, с тех пор как императорский двор переместился в Москву, туда вместе с родителями уехали юноши из знатных и связанных с дворцовой службой семей. Были среди них ученики Академической гимназии, которые, покинув Петербург, а с ним и гимназию, через некоторое время вернулись в город, в том числе ради

продолжения учебы. Наиболее показательный пример – племянники Екатерины I Антон, Мартын и Иван Скавронские. Они были записаны в пятый (Quinta)⁸, самый нижний класс Академической гимназии 29 июля 1728 года после долгих уговоров их родителей, имевших предубеждение против совместного обучения сыновей с другими детьми⁹. Вероятно, пойдя тогда на уступки, своего мнения они не поменяли, поскольку в том же году забрали их с собой в Москву¹⁰. Однако совсем скоро молодые Скавронские вернулись в класс и, по отзыву инспектора Т. З. Байера, «за короткий срок достигли многого»¹¹. В Академической гимназии они учились еще несколько лет: старший Антон до начала 1730 года, младшие до апреля 1732 года и, вероятно, все это время периодически прерывали учебу, уезжая к родителям в Москву, но, будь там гимназия, они бы могли ее посещать¹². Как и дети придворных служащих, например Иоганн Стеллиг, чьи родители состояли при дворе цесаревны Елизаветы Петровны: записанный в Академическую гимназию 28 января 1728 года, с переездом в Москву он перестал в ней учиться; или Александр Штейнбах (Штенбах / Штенбок), который жил в Москве вместе с матерью Б. Б. Рутенхельм и отчимом И. Г. Лестоком, также входившими в Елизаветинский круг, и стал учеником гимназии только в Петербурге [1: 72], [2: 409]¹³. Что касается преподавателей, то Т. З. Байер не нашел никого из малочисленного, по его словам, персонала Академической гимназии, с кем бы готов был расстаться:

«Разве только, ради скорейшего устройства Московской гимназии, – допустил он, – те, что теперь в Петербургской гимназии есть, должны бы все вместе туда переехать, а здесь можно было бы обойтись одним классом, в котором занимались бы немецким и письмом, пока не увидели бы, что посещаемость превысила нынешнюю, тогда можно будет набрать еще людей. И для этого было бы довольно одного человека»¹⁴.

По штату Академии наук 1731 года, в гимназии в то время служило 11 человек: адъюнкты И. Э. Фишер (проректор) и А. Б. Крамер вели латинские уроки в старшем, тогда третьем классе, Б. В. Штирмер (Штёрмер) преподавал немецкий язык в четвертом, М. Шванвиц – в самом младшем, пятом классе, им помогали Ю. Г. Миллер, Г. И. Эстерман и учитель чистописания И. В. Люрсениус, Ш.-А. Декомбль учил французскому языку, К. Ф. Шеслер – математике, С. Шмидт – танцам, Г. Гзель – живописи¹⁵. Для чтения отдельных дисциплин в гимназию приглашались и другие адъюнкты Академии

наук, например Н. Х. Винсгейм, который, согласно «Каталогу лекций» на октябрь 1731 года, обучал арифметике и геометрии и, как предполагал инспектор Т. З. Байер, мог бы взять на себя также уроки географии и новейшей истории [7: 198]¹⁶. Обращаясь к Л. Л. Блюментросту, Т. З. Байер не уточнил, кому именно из преподавателей Академической гимназии он решил бы доверить ее, пока другие будут «устраивать» гимназию в Москве. Но, исходя из его замечания, что нужен в первую очередь учитель немецкого и письма, можно предположить, что он выбрал бы Бернгарда Вильгельма Штирмера или Мартина Шванвица, тем более что они оба владели русским¹⁷, а значит, справлялись бы не только с преподаванием, но и с рабочими вопросами, где требовалось знание языка. Известно, что Т. З. Байер особенно выделял М. Шванвица, ценя его человеческие и преподавательские качества, и еще в 1728 году добивался для него повышения¹⁸.

В дальнейшей академической переписке упоминания о московском проекте встречаются только в двух письмах В. Н. Татищева к И. Д. Шумахеру: от 19 апреля и 24 мая 1731 года. В первом случае, возмущаясь долгими проволочками в «учреждении школ» в Москве, чему даже «начала не видимо», он сообщил И. Д. Шумахеру, что «в надежде» на их открытие он забрал из Ревельской гимназии сына, но в ожидании уже так «много напрасно времени потерял и еще больше потеряет», что в конце концов решил отправить его в Петербург, в Академическую гимназию¹⁹. Месяц спустя В. Н. Татищев подтвердил свое намерение, хотя, как признался, «вчера по предложению моему прилежно о учинении здесь (в Москве. – О. К.) гимназии при дворе разсуждали»²⁰. Таким образом, В. Н. Татищев вполне можно считать инициатором или одним из инициаторов плана по созданию в Москве гимназии. Изначально он был лично заинтересован в проекте и напоминал о нем еще весной 1731 года, однако больше к этому вопросу, по крайней мере в переписке со своими академическими корреспондентами, не возвращался. Вероятную причину отказа В. Н. Татищева от реализации идеи Московской гимназии можно найти в его письме к И. Д. Шумахеру от 16 августа 1731 года, где он сообщил: «Здесь о учреждении кадетского училища уже порядок сочиняют, и, чаю, вскоре действительно произведется...»²¹. Сухопутный шляхетный корпус, учрежденный в ноябре того же года, оказался более успешным, нежели гимназия, учебным предприятием, поскольку его программа содержала не только

академические дисциплины вроде математики и истории, но и предметы, полезные для дворянской службы, – фехтование и военное дело²². Этому же способствовало и производство кадетов в чины, чего были лишены выпускники Академической гимназии, как и члены Академии в целом²³.

Бездействие же со стороны Академии наук можно объяснить тем, что появление еще одной гимназии, о которой пришлось бы заботиться ее сотрудникам наравне с Петербургской, было бы слишком обременительно для нее, поскольку академические финансы и штат к 1731 году пришли в критическое состояние. Уже в начале года из-за недостатка средств Академия могла лишиться многих своих профессоров: в январе 1731 года с ней не стали заключать новых контрактов и уехали из России математик Я. Герман и физик Г. Б. Бюльфингер, перешел на дипломатическую службу философ Х. Ф. Гросс, пожелали уволиться: историк Т. З. Байер (инспектор гимназии), юрист И. С. Бекенштейн, математик Д. Бернулли, анатом И. Г. Дювернуа [3: 117–118]²⁴. Эти потери были бы крайне чувствительны для Академии, поэтому ее президент Л. Л. Блюментрост поспешил подписать контракты с «молодыми» профессорами: И. Вейтбрехтом, И. Г. Гмелиным, Г. В. Крафтом, Г. Ф. Миллером и Л. Эйлером и тут же получил совет от И. Д. Шумахера: напечатать «обычный каталог лекций» («ein ordentlicher Catalogus lectionum»), чтобы «всем из него, по меньшей мере, стало ясно, что у нас достаточно людей для обучения необходимым дисциплинам» [8: 223]²⁵. Эти и другие вопросы внутреннего порядка Академии наук Л. Л. Блюментросту приходилось решать одновременно с придворными обязанностями, которых значительно прибавилось после того, как 23 января 1731 года он официально стал лейб-медиком герцогини Мекленбургской, сестры Анны Иоанновны²⁶.

ВЫВОДЫ

Как уже говорилось, инспектор Т. З. Байер считал нехватку учителей помехой для устройства гимназии в Москве. Однако материалы Академической гимназии свидетельствуют, что при необходимости преподаватели для нее находились, более того, принимались далеко не все желающие и не всегда безоговорочно продолвались контракты уже работающих сотрудников. В частности, в 1728 году, несмотря на востребованность танцевальных уроков, получил временную отставку танцмейстер С. Шмидт,

наказанный таким образом за «дурное поведение»; в феврале 1733 года не прошел экзамена у Т. З. Байера искавший место преподавателя в гимназии некий Александр Мусиневский, хотя уже к июлю стало совершенно очевидно, что из-за переполнения нижних классов нужны еще учителя²⁷.

Неверно было бы категорически утверждать, что в правительстве или в обществе совсем не понимали пользы гуманитарных знаний, которые давала гимназия, поскольку знание латыни, ее базового предмета, требовалось в ряде профессий, например в инженерном деле и даже в садово-парковом искусстве²⁸. «Прилежное рассуждение» о гимназии, которое, по сло-

вам В. Н. Татищева, вели при дворе, показывает, что идея такой школы воспринималась положительно и ее можно было осуществить, правда, для этого все еще требовалось вмешательство энергичного и влиятельного лица. Образ «полезного знания» тогда только складывался, поэтому, не перейдя пока в категорию традиции, он оказывался уязвим со стороны внешних обстоятельств, формировавшихся в том числе под влиянием сомнений большинства. Однако даже неудачные инициативы, подобные Татищевской 1731 года, по принципу накопительного эффекта создавали условия для успеха последующих, таких как реализованный проект Московской гимназии М. В. Ломоносова 1754 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 10 (служебные документы, письма 1734–1765 гг.) / Под ред. А. И. Андреева, Г. П. Блока, Г. А. Князева. М.; Л., 1957. С. 514; Т. 9 (служебные документы 1742–1765 гг.) / Под ред. А. И. Андреева, Г. П. Блока, Г. А. Князева. М.; Л., 1955. С. 443–461.
- ² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 1825 год (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 14. № 10346. С. 292–293 («Высочайше утвержденный проект об учреждении Московского университета», 12 января 1755 г.).
- ³ СПбФ АРАН. Ф. 121. Оп. 2. Д. 53. Л. 11 об.–12 (письмо Ф. Р. Гмелина к И. Д. Шумахеру, 14 января 1731 г.). Орфография текста.
- ⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 17. Л. 58 (письмо Т. З. Байера к Л. Л. Блюментросту, 18 января 1731 г.; копия).
- ⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 425. Л. 223 (Т. З. Байер. «Consignatio laborum теорум», не позднее 3 июля 1733 г.); Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 245 (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 22 января 1728 г.).
- ⁶ Там же. Д. 17. Л. 58 (письмо Т. З. Байера к Л. Л. Блюментросту, 18 января 1731 г.; копия).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Нумерация классов в Академической гимназии, начиная с сентября 1726 года, была обратной, то есть самым младшим классом считался пятый (Quinta), самым старшим – первый (Prima).
- ⁹ О негативном отношении к гимназии старших Скавронских, особенно матери юных графов, писал профессор Х. Ф. Гросс. См.: Там же. Р. I. Оп. 70. Д. 19. Л. 13–13 об. («Index discipulorum», 1726 г.); Ф. 1. Оп. 3. Д. 13. Л. 346 (письмо Х. Ф. Гросса к И. Д. Шумахеру, 20 октября 1727 г.).
- ¹⁰ Косвенно на это указывает ученическая тетрадь Антона Скавронского, последняя запись в которой сделана 4 октября. И хотя год в ней не указан, 1728-й кажется наиболее вероятным по содержанию упражнений, характерных для начального уровня. См.: Там же. Р. III. Оп. 1. Д. 177. Л. 304 («Тетрадь Антона Карловича», 7 августа – 4 октября [1728 г.]).
- ¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 16 (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 30 декабря 1728 г.).
- ¹² Там же. Ф. 784. Оп. 2. Д. 3. Л. 5 (письмо Х. Ф. Гросса к Т. З. Байеру, 8 января 1730 г.); Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 74 об. («Реэстр ученикам», [1732 г.]).
- ¹³ Родной отец Александра – Никлас Штенбах был камердинером и придворным портным Екатерины I. Скорее всего, И. Г. Лесток отдал пасынка в гимназию после смерти его матери. Судя по тому, что при поступлении мальчика записали в четвертый класс, он умел читать и писать по-немецки и по-латыни, знал основы латинской грамматики. Такой уровень подготовки был характерен для детей протестантов, где дома читали «Малый Катехизис» М. Лютера, использовавшийся для изучения веры и языка в то время и в Академической гимназии. См.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 73 об., 81 об. («Реэстр ученикам», [1732 г.]); Р. I. Оп. 70. Д. 5. Л. 1–3, 4–4 об. («Нынешнее устройство гимназии», 9 сентября 1731 г.; «Каталог лекций», 18 октября 1731 г.).
- ¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 17. Л. 58 об. (письмо Т. З. Байера к Л. Л. Блюментросту, 18 января 1731 г.; копия).
- ¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 50 об., 57, 60 об. (штат Академии наук, 1731 г.).
- ¹⁶ Там же. Р. I. Оп. 70. Д. 5. Л. 1, 4 («Нынешнее устройство гимназии», 9 сентября 1731 г.; «Каталог лекций Латинской школы», 18 октября 1731 г.). Кроме того, ученики старшего, так называемого «ректорского», класса могли быть допущены к слушанию профессорских лекций. В 1731 году в гимназии таких учеников не было, но уже через два года они будут упоминаться в гимназическом проекте И. Э. Фишера. См.: Материалы для истории Императорской академии наук: В 10 т. / [Под ред. М. И. Сухомлинова] (далее – МАН).

- Т. II (1731–1735). СПб., 1886. С. 356 («Предложение об устройстве гимназии и школ в Санкт-Петербурге», 7 августа 1733 г.).
- ¹⁷ Б. В. Штирмер и М. Шванвиц принимали участие в переводах на русский язык различных академических трудов. См., например: МАН. Т. I. С. 603 («Рапорт о текущем состоянии Императорской академии наук», 27 декабря 1729 г.).
- ¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 245 об. (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 22 января 1728 г.). М. Шванвиц не получил повышения и, хотя фактически руководил немецкими классами гимназии, формально оставался в звании преподавателя (Informator) вплоть до своего увольнения из Академии наук в 1732 году. Вновь на академическую службу в 1735 году он был принят на место ректора Немецкой школы гимназии. В том же году Б. В. Штирмер, до этого также учитель, был направлен в Екатеринбург в качестве «ректора немецкого языка». См.: Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 422. Л. 328 (распоряжение о передаче переводов академических газет адъютанту В. Е. Адодурову в связи с увольнением преподавателя М. Шванвица, 12 августа 1732 г.); МАН. Т. II. С. 183, 693–694, 747–749 (распоряжение Канцелярии АН, 30 сентября 1732 г.; контракт М. Шванвица, 2 апреля 1735 г.; указ Е.И.В., 24 июня 1735 г.).
- ¹⁹ Татищев В. Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 140–141 (письмо № 62 от 19 апреля 1731 г.).
- ²⁰ Там же. С. 143 (письмо № 66 от 24 мая 1731 г.).
- ²¹ Там же. С. 147 (письмо № 75 от 16 августа 1731 г.).
- ²² ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 8. № 5894. С. 569–570 («О записке дворян в Кадетский корпус», 4 декабря 1731 г.). 13 и 23 апреля 1732 года в Кадетский корпус перешли из Академической гимназии Мартын и Иван Скавронские, и сюда же 17 мая того же года был записан сын В. Н. Татищева Евграф. См.: Сухопутный шляхетный корпус (ныне I-й кадетский корпус): исторический очерк. Вып. I. Период графа Миниха (с 1732 по 1741). Составил по архивным материалам Петр Лузанов. СПб., 1907. С. 117, 127, 129.
- ²³ «Табель о рангах» появилась в 1722 году, до создания Академии наук, поэтому в ней не были учтены лица, занятые в сфере науки, что лишало их социальной поддержки и снижало ценность академической службы и научных занятий в целом. Производство в чины дал лишь Регламент Академии наук 1803 года. См.: Уставы Российской академии наук. 1724–2009 / Под науч. рук. В. И. Васильева. М., 2009. С. 87.
- ²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 121. Оп. 2. Д. 53. Л. 21–21 об. (письмо Ф. Р. Гмелина к И. Д. Шумахеру, 4 февраля 1731 г.); Ф. 784. Оп. 2. Д. 3. Л. 87 об. (письмо Х. Ф. Гросса к Т. З. Байеру, 15 февраля 1731 г.); Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 11, 24, 25, 191–192, 198–199.
- ²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 167 (письмо И. Д. Шумахера к Л. Л. Блюментросту, 4 января 1731 г.; копия).
- ²⁶ Там же. Ф. 121. Оп. 2. Д. 53. Л. 15 об. (письмо Ф. Р. Гмелина к И. Д. Шумахеру, 25 января 1731 г.).
- ²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 246 (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 22 января 1728 г.); Д. 16. Л. 270, 275 об.–276 (распоряжения для Т. З. Байера, 20 февраля и 4 июля 1733 г.; копии).
- ²⁸ Там же. Р. IV. Оп. 1. Д. 1а. Л. 60 (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 30 декабря 1728 г.; копия); Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 274 об. (распоряжение для Т. З. Байера, 16 мая 1733 г.; копия). По сути, сохранение за Академией наук учебных функций, согласно петровскому проекту 1724 года, несмотря на все экономические и социокультурные проблемы последующего времени, говорит о востребованности гимназического образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008. 380 с.
2. Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича; При участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. 800 с.
3. Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 212 с.
4. Костин А. А., Костина Т. В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Георга Вольфганга Крафта 1739 года и его подготовка // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М.: Новое изд-во, 2015. С. 218–262.
5. Костин А. А., Костина Т. В. «Русский автор» в 1739 году: Г. З. Байер, И. И. Тауберт и формирование русского школьного канона // Slověne. 2019. № 2. С. 163–197.
6. Костина Т. В. Подготовка элит Российской империи в учебных заведениях Академии наук (1726–1805 гг.) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2016. Кн. 1. С. 207–302.
7. Костина Т. В., Кирикова О. А. Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. // Детские чтения. 2018. № 1 (13). С. 194–219.
8. Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: В 2 ч. Ч. 2 / Авт.-сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова; Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2022. 280 с.

Поступила в редакцию 13.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Olga A. Kirikova, Senior Researcher, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2527-5815; kirikova.o@bk.ru

THE MOSCOW GYMNASIUM PROJECT OF 1731

Abstract. In January 1726, the Academic Gymnasium was established in St. Petersburg as part of Peter the Great's broader educational reform plan, intended to prepare personnel for the university – a higher education institution represented by the Academy of Sciences at the time. The creation of this complex educational structure was a response to the absence of a network of schools at various levels in Russia. By the onset of Anna Ioannovna's reign, however, the Academic Gymnasium was in decline; its operations were hampered by the broader administrative and financial difficulties facing the Academy of Sciences. The viability of the gymnasium was questioned almost immediately after Peter the Great's death. Furthermore, in 1728, many students abandoned the institution, following the imperial court to Moscow together with their parents. Against this backdrop, the 1731 discussion of a new gymnasium modeled on the original academic institution signals the continued support of Anna Ioannovna's government for the educational system initiated by Peter the Great and further developed by his daughter Elizabeth. The proposal to establish a gymnasium in Moscow in the early 1730s has previously been overlooked by scholars. Its rediscovery was made possible through correspondence between members of the Academy of Sciences and Vasily Tatishchev, the initiator of the project, preserved in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Employing the retrospective method, this study explores the motivations behind Tatishchev's proposal, the opportunities that such a project could have offered young Muscovites, and the reasons why the project ultimately remained unrealized.

Key words: education, Academic Gymnasium, Academy of Sciences, T. S. Bayer, L. L. Blumentrost, M. V. Lomonosov, V. N. Tatishchev

For citation: Kirikova, O. A. The Moscow Gymnasium project of 1731. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1186

REFERENCES

1. Ageeva, O. G. The Imperial Court of Russia, 1700–1796. Moscow, 2008. 380 p. (In Russ.)
2. Foreign specialists in Russia under Peter the Great: Biographical dictionary of natives of France, Wallonia, French-speaking Switzerland and Savoy, 1682–1727 (V. S. Rjéoutski, D. Ju. Gouzevitch, Eds.). Moscow, 2019. 800 p. (In Russ.)
3. Kopelevitch, Yu. H. The establishment of the St. Petersburg Academy of Sciences. Leningrad, 1977. 212 p. (In Russ.)
4. Kostin, A. A., Kostina, T. V. The 1739 “Regulations of the Gymnasium at the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg” by George Wolfgang Krafft and its drafting. “*A regular academy to be established...*”: *Educational projects in Russia during the first half of the XIX century*. (M. Lavrinovitch, I. Fedukin, Eds.). Moscow, 2015. P. 218–262. (In Russ.)
5. Kostin, A. A., Kostina, T. V. “Russian author” in 1739: Gottlieb Bayer, Ivan Taubert and the first steps of Russian school literary canon. *Slověne*. 2019;2:163–197. (In Russ.)
6. Kostina, T. V. The cultivation of elites of the Russian Empire in the educational institutions of the Academy of Sciences (1726–1805). *Relevant past: interaction and balance of interests of the Academy of Sciences and Russian State from the XVIII to the early XX centuries. Essays on history: In 2 books*. (I. V. Tunkina, Ed.). Book 1. St. Petersburg, 2016. P. 207–302. (In Russ.)
7. Kostina, T. V., Kirikova, O. A. Textbooks in the Gymnasium of the Academy of Sciences in the 1730s. *Children's Readings*. 2018;1(13):194–219. (In Russ.)
8. Peter the Great and the establishment of the St. Petersburg Academy of Sciences. Documents and materials: In 2 parts. Part 2. (E. Basargina, O. Kirikova, I. Tunkina, Eds.). St. Petersburg, 2022. 280 p. (In Russ.)

Received: 13 January 2025; accepted: 3 March 2025